

701
A-76

5905 БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ

Г. К. ЛУКОМСКИЙ. КОЛОКОЛЬНЯ СОФІЙСЬКОГО СОБОРА.
G. LOUKOMSKY. CLOCHER DE S^Ń SOPHIE A KIEV.
Виставка „Миръ Искусства“.

УКРАИНСКІЙ БАРОККО

Георгій Лукомскій

се великолѣпіе малороссійской культуры домонгольскаго періода, свідѣтельствующее о высококомъ въ то время развитіи вкуса на Руси, исчезаетъ въ мрачный вѣкъ татарщины. Дикія орды проносятся какъ ураганъ, уничтожаютъ, сжигаютъ и увозятъ съ собой то, что пощадило пламя. Исчезаетъ блескъ цивилизаціи великокняжескаго періода. Каменные храмы, полные мозаикъ, колоннъ, мраморовъ, рушатся, никѣмъ не оберегаемые. Послѣдующія поколѣнія помогаютъ времени разрушить старые памятники. И теперь многіе нѣкогда цвѣтущіе города представляютъ громадныя забытыя кладбища...

Только въ XVII столѣтіи нарождается поколѣніе съ новыми вкусами къ зодчеству. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила — первый взялся за реставрацію и ремонтірованіе церквей Малороссіи. Въ его время неумѣлою поправкою было испорчено много древнихъ формъ; ни одинъ изъ старѣйшихъ храмовъ Чернигова и Кіева не остался безъ поправокъ, пристроекъ, причемъ эти пристройки давали сооруженіямъ видъ, примѣненный ко вкусамъ времени. Такимъ путемъ созданъ былъ и своеобразный стиль, явившійся результатомъ смѣшенія древняго русскаго зодчества, германской и польской архитектуры и мѣстныхъ конструктивныхъ особенностей, вытекавшихъ, главнымъ образомъ, изъ формъ первообразнаго деревяннаго церковнаго зодчества. Деревянные украинскіе храмы, разсматриваемые какъ памятники, родственные деревяннымъ церквямъ домонгольскаго періода, трехкупольные, пятикупольные, многогранные, крестообразные и круглые, возникли, слѣдовательно, подъ вліяніемъ Византіи. Это южно-русское деревянное зодчество заключало въ себѣ такъ много національной устойчивости, что удержалось до XVIII в. и оказало вліяніе даже на каменную архитектуру, давъ во второй половинѣ XVII в. замѣчательный расцвѣтъ кирпичнаго зодчества въ Малороссіи.

Кирпичная кладка примѣнялась къ старозавѣтнымъ деревяннымъ формамъ (Прилуки), и формы, свойственныя деревянному украинскому зодчеству, становятся настолько излюбленными, что ихъ придаютъ, при реставраціяхъ, даже стариннымъ храмамъ домонгольской эпохи.

Многія спеціальныя названія указываютъ на большую выработанность и давность деревяннаго зодчества; такія церкви восходятъ до XIII столѣтія и сливаются съ лѣтописными извѣстіями.

Но до сихъ поръ еще не окончательно установлено — происходятъ ли выступающія части церквей — многоугольныя и круглыя — изъ архитектуры восточной (изъ

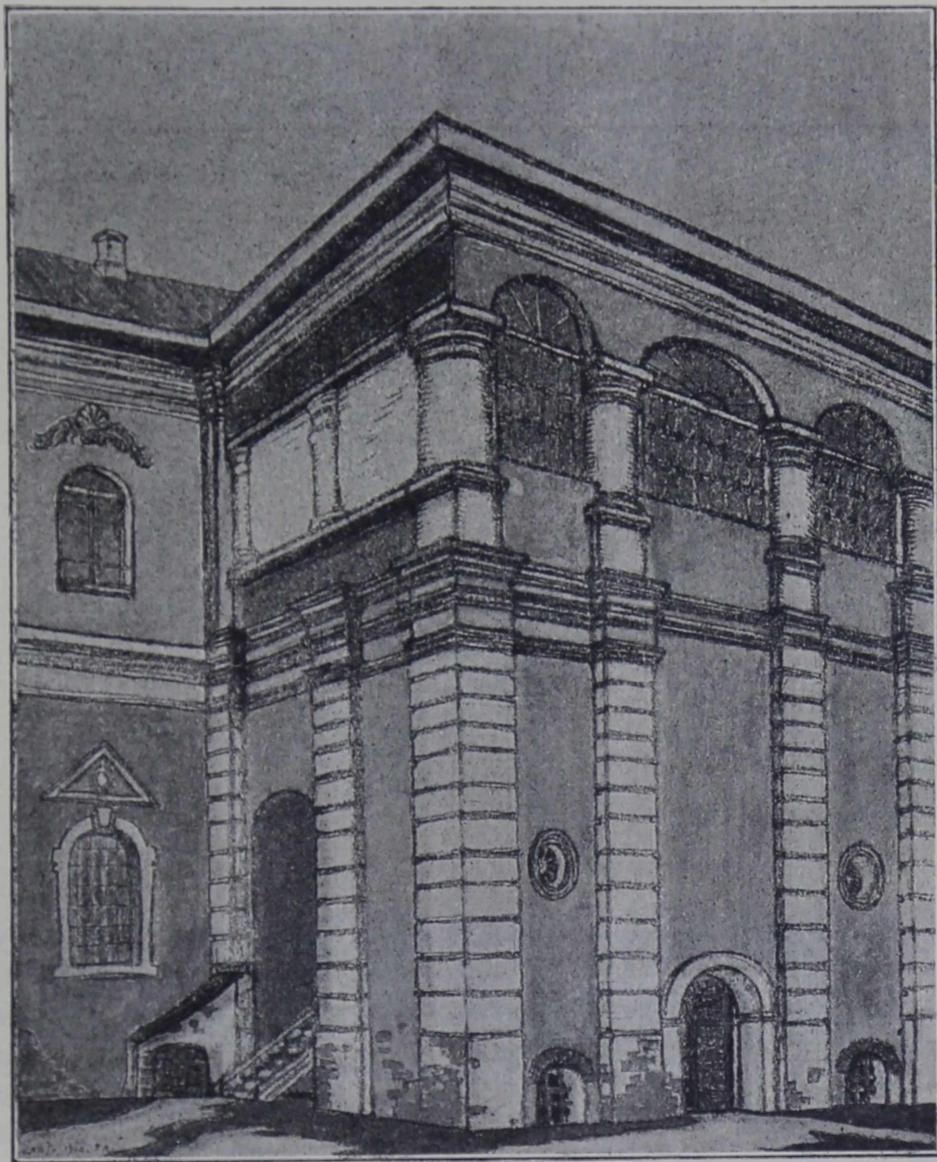
основъ ,трехлистной' и ,четырехлистной') или изъ западной архитектуры, какъ показываютъ изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ. Извѣстно только, что подобные типы, составляющіе характерную черту многихъ храмовъ, особенно временъ Мазепы, были распространены и на Западѣ и относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства. Примѣры: Cellae cimenteriales въ Римѣ и соборъ Пресв. Богородицы въ Кельнѣ. Таковы общіе выводы XIV Археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, касающіеся исторіи вліяній на сформированіе украинскаго зодчества и опредѣляющіе его главные признаки.

Г. К. Лукоцкий.—Козелець. Церковь Преображенія.

Въ этомъ смѣшанномъ стилѣ, кромѣ собственно украинскаго барокко, надо различать: ,Мазепинскій' барокко — съ преобладаніемъ германскаго вліянія въ деталяхъ, но напоминающій разработкой плана западную базилику, отличаясь отъ нихъ купольнымъ покрытіемъ, и ,Нарышкинскій' барокко (времени Петра и Іоанна Алексѣевича), сходный съ памятниками зодчества этого періода въ Московской области, откуда часто были выписываемы мастера, — но съ типичною обработкою оконъ, фронтоновъ и нѣкоторыхъ украшеній. Позднѣе, при Аниѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ, явился изъ Петербурга еще одинъ видъ барокко — ,Стиль Растрелли' и его школы (особенно князя Ухтомскаго). Этотъ стиль выразился

въ рядѣ построекъ съ гибкими линіями, богатѣйшими украшеніями, со стройными пилястрами, мелкой рустовкой и пышными фронтонами (Соборы въ Козельцѣ, Брянскѣ и др.).

Г. К. Лукожскій. — Козелецъ. Домъ б. Магистрата.

Съ благоговѣніемъ приближаешься къ Софійскому собору въ Кіевѣ. Торопишься пройти подъ темными сводами колокольни, чтобы скорѣе увидѣть старыя стѣны

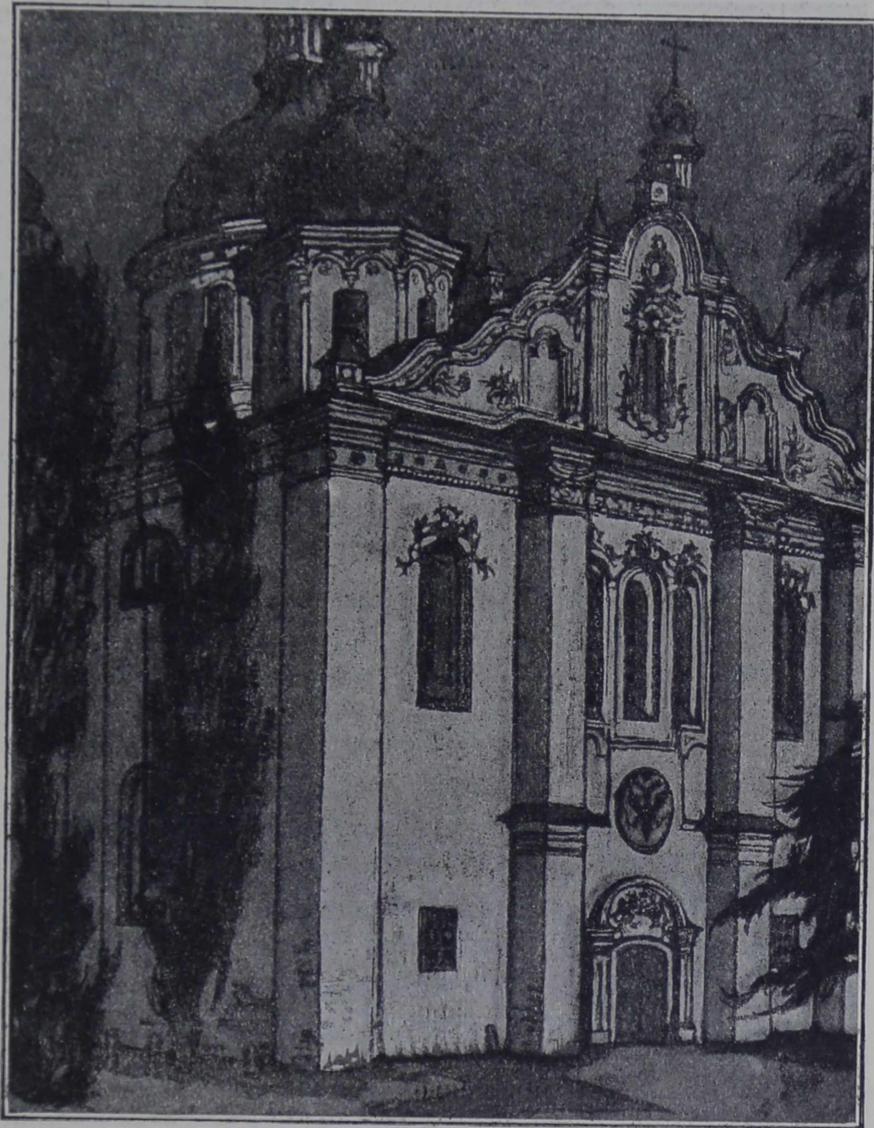
святыни, чтобы восхищенно всматриваться въ ихъ мерцающія мозаики, въ тусклые иконные лики съ печальными глазами, или разглядывать потѣшныя фрески на лѣстницѣ... И проходишь, не замѣчая, красивѣйшую постройку, находящуюся по дорогѣ къ собору — колокольню... Огромная широкая башня, съ толстыми стѣнами; два куба, одинъ на другомъ, восьмиугольная призма на нихъ и еще призма, надстроенная поздиѣе, съ аляповатымъ золотымъ куполомъ, — такова сампанilla древняго собора, построенная въ 1735 — 45 г.г. при

Г. К. Лукожскій. — Кіевъ. Михайловскій Златоверхій Монастырь. Монастырскія кельи.

епископѣ Рафаилѣ Заборовскомъ. Надо всмотрѣться въ эту неуклюжую массу, подойти къ ней вплотную: тогда нельзя оторвать глазъ отъ этого міра зачарованныхъ удивительной, сказочной фантазіей скульптурныхъ украшеній колокольни. Здѣсь полное отсутствіе общаго архитектурнаго замысла, при одной лишь ‚декоративности‘, даетъ блестящій примѣръ того, что зодчество — въ ‚постройкѣ украшенія‘, а не въ ‚украшеніи постройки‘. Въ этомъ расписномъ прятникѣ — зодчества нѣтъ; это скорѣе что то декоративное: ларець, рѣзная рама, но увеличенная до грандіозныхъ размѣровъ. Самая масса башни, ея тѣло — только поводъ къ созданію подлинно художественному, а для полученія этого послѣдняго важно лишь одно — вдохновеніе, руководившее мастерами... Налѣпленные или намазанные украшения Софійской колокольни даютъ впечатлѣніе бѣлой росписи на фонѣ чрезвычайно богатыхъ и пріятныхъ зеленоватыхъ оттѣнковъ. Какая

нѣжная изысканность декоративнаго чувства! Кажется, точно бѣлое, ажурное кружево положено на матерію фисташковаго цвѣта... Пилястры, фронтоны — прямые, изогнутые, пересѣкающіеся, наличники затѣйливые, сѣни съ драпировками, ним-

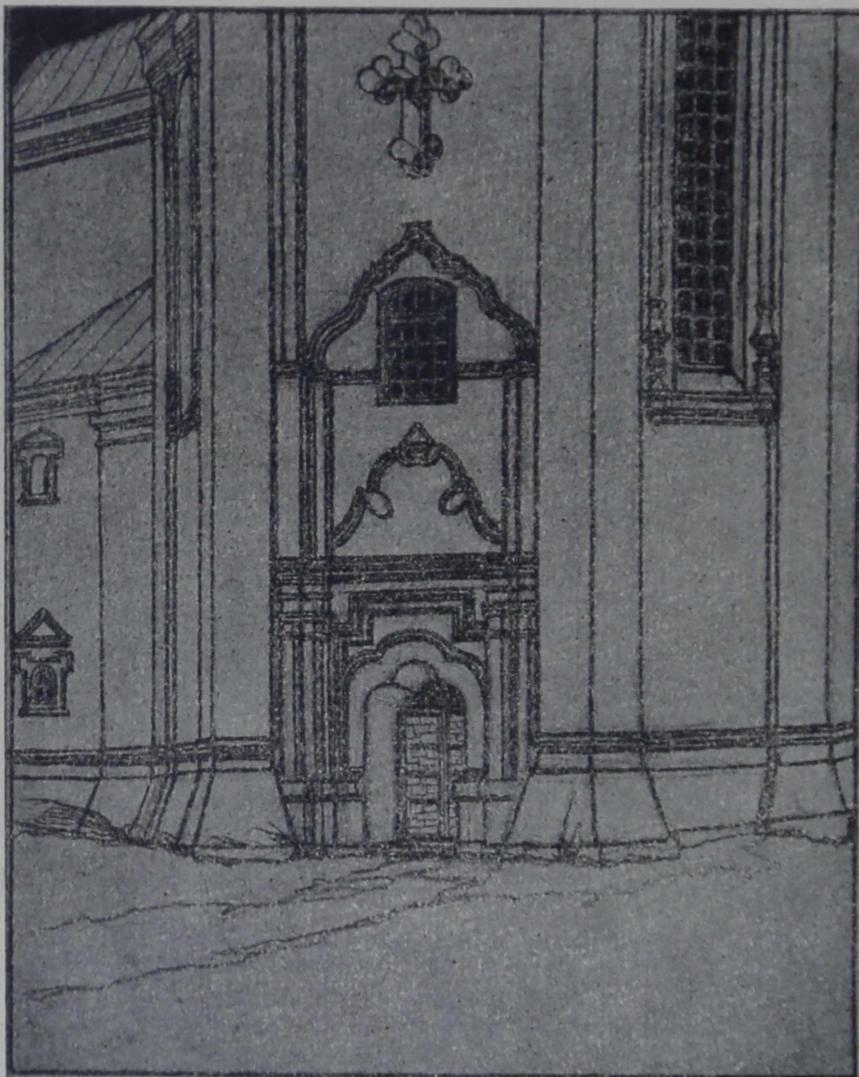

Г. К. Лукомскій. — Кіевъ. Церковь б. Кирилловскаго монастыря.

бами и гирляндами, овальныя окна, длинныя колонки съ капителями въ видѣ птицъ — щедро разсыпаны по дымчато-зеленому полю, и золотые орлы, чудснаго рисунка, сторожатъ весь этотъ міръ фантастики, равную которой въ Россіи

можно найти только въ XIII вѣкѣ, на стѣнахъ Георгіевскаго собора, въ Юрьевѣ Польскомъ.

На другой сторонѣ площади — тоже зеленый храмъ: Михайловскій монастырь. Сплошь — зеленый (перекрашенъ недавно, по случаю 700-лѣтія монастыря, —

Г. К. Лукоискій. — Черниговъ. Деталь церкви Екатерино-Покровской.

прежде онъ былъ бѣлый). Купола его сложной формы, занесенной съ Запада, черезъ Польшу, и очень своеобразной обработки. Эти, какъ бы выѣпленные сильною талантливою рукою, ярко-бронзовые круглые купола съ продолговатыми, остроко-нечными верхами, ярко выдѣляются на темно зеленой массѣ „Златоверхаго“ собора; они свѣтятся гранями и крестами съ круглыми сіяніями, узкія, длинныя окна на купольныхъ барабанахъ грозно выглядываютъ изъ за высокихъ крышъ. Какъ бо-

гата корона тимпана съ пирамидальными вышками, приплюснутыми волютами и пилястрами, между которыми горят алыя фрески! Но самую любопытную частью собора являются нигдѣ не виданные контрфорсы съ парюю коринескихъ колоннъ, словно стражи въ остроконечныхъ металлическихъ шапкахъ, стоящіе стройными рядами по обѣ стороны.

Еще пышнѣе фронтонъ собора Братскаго монастыря на Подолѣ, съ отчетливыми слѣдами работы западно-европейскихъ и польскихъ мастеровъ. Чувствуется почти католическое выраженіе и въ общемъ силуэтѣ фронтона Кирилловской

Г. К. Лукомскій. — Черниговъ. Старые дома около церкви Параскевы.

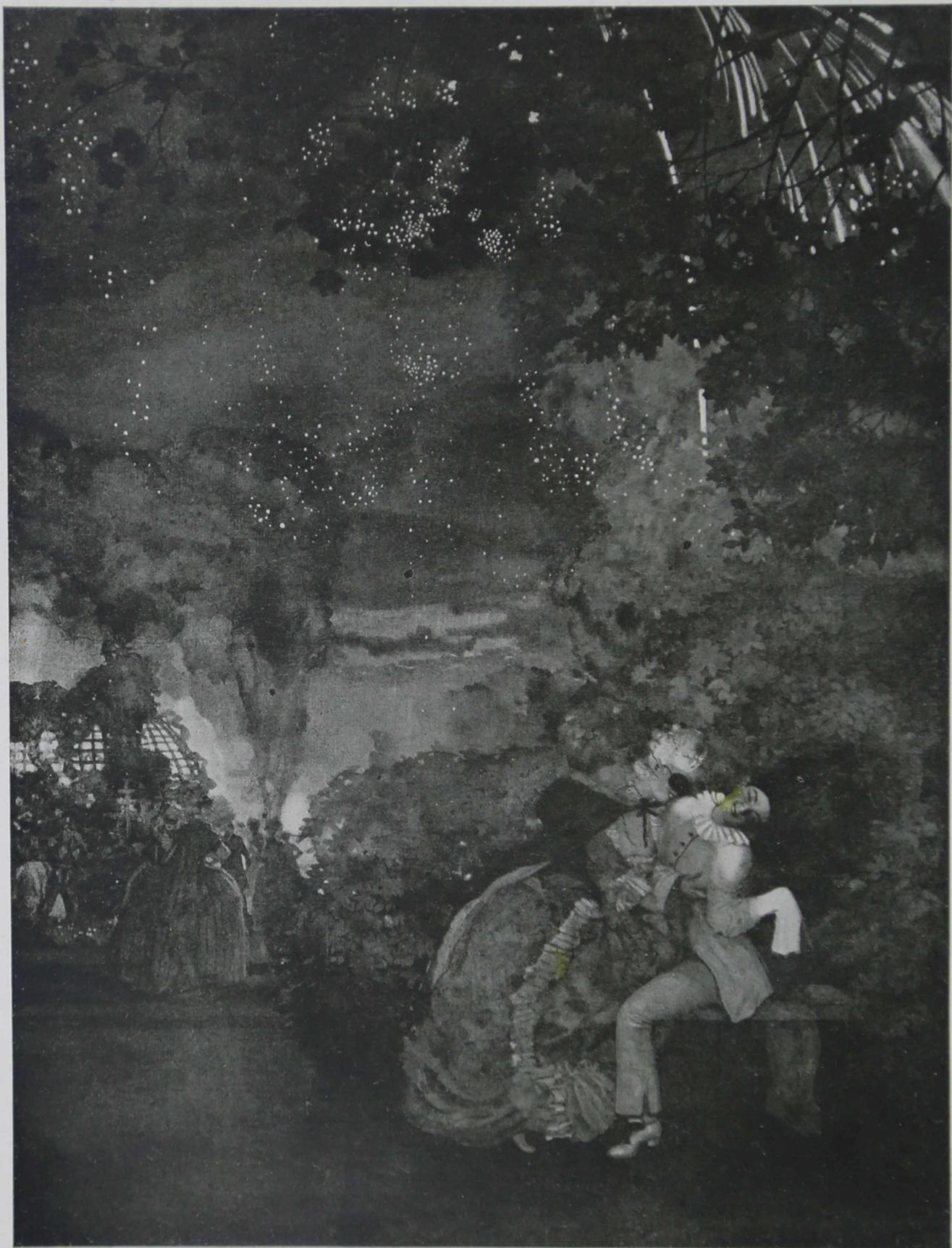
церкви, и въ лѣпныхъ украшеніяхъ порталовъ съ неизмѣнными амурами, сплетеніями фруктовъ и цвѣтовъ. Не менѣе причудливо-красивы порталъ и боковые входы Николаевского военнаго собора, Братскаго монастыря, колокольни Кирилловской церкви и Преображенской церкви на Подолѣ.

Время ‚Нарышкинскаго стиля‘ — церковей Москвы — съ темно-синими куполами, блѣдно-голубыми стѣнами и бѣлыми украшеніями, церковей Поволжья (Нижній-Новгородъ, Свіяжскъ) — съ своеобразными, вѣнчающими, треугольными кокошниками и ажурными деталями, — въ малороссійскомъ зодчествѣ создало архитектуру нѣсколько иного выраженія. Необычайно удлинены были всѣ пропорціи, особенно — оконъ съ ихъ наличниками.

Почти жуткое впечатлѣніе производятъ разграфленные на мелкіе квадратики окна Екатерино-Покровской церкви (1715) въ Черниговѣ (извѣстной болѣе своими чудесными Царскими вратами), прорѣзанные, какъ крупный орнаментъ, кресты, изломанные фронтоны. И до чего красивы темные, сѣро-зеленые, измятые временемъ, какъ рукой искуснаго художника, купола! Схожія церкви мы знаемъ еще въ Стародубѣ, Новгородѣ-Сѣверскѣ (очень интересный Успенскій соборъ, времени Петра I-го), въ Переяславлѣ Полтавскомъ и др. городахъ. Многія другія церкви Черниговской и Полтавской губерній: Введенская церковь (1700) въ Троицкомъ монастырѣ, Соборъ Батуринаго монастыря, колокольня Новгородсѣверскаго монастыря (1660) въ обработкѣ своихъ частей очень близко подходятъ къ ‚Нарышкинскому‘ стилю, детали котораго общи какъ для юга, такъ и для сѣвера Россіи.

Къ храмамъ прежде описаннаго характера относится и церковь Параскевы Пятницы, долгое время лежавшая въ развалинахъ, теперь украшенная богатымъ тимпаномъ. Въ одно живописное дѣло сочетаются съ этими постройками — развѣсистыя деревья, окружающія церковь, прежнія помѣщенія дѣвичьяго монастыря, рыбный базаръ на площади, сѣрыя крыши ларей, бѣлыя одежды и ярко-красныя платки крестьянокъ, блестящія звѣзды-кресты... и позади храма въ переулкахъ, старенькіе домики, съ желѣзными дверями и подслѣповатыми окнами... Въ Малороссіи, переходившей изъ однѣхъ рукъ въ другія, подпадавшей подъ вліяніе разныхъ культуръ и народовъ, не рѣдко бывали случаи передѣлки церквей въ костелы и костеловъ въ церкви. Церковь Преображенія въ Козельцѣ, бывшая долгое время католическимъ монастыремъ, по близости отъ извѣстнаго собора, построеннаго Растрелли (въ 1752 — 1763 годахъ) и дома бывшаго Магистрата (въ стилѣ ‚Мазепинскаго‘ барокко), претерпѣла не мало передѣлокъ отъ такихъ приспособленій. Овальная въ планѣ церковь сохраняется нерушимо до сихъ поръ. Богато украшеніе входной двери, передъ которой имѣется типичный, особенно для формъ деревяннаго зодчества XVII — XVIII вѣковъ въ Малороссіи, длинный портикъ на 3 парахъ тоненькихъ колоннъ. Такіе же типичные входы съ трехъ сторонъ церкви мы видимъ въ церкви Николая Загребельнаго и во многихъ другихъ.

Многообразіе Малороссійскаго барокко не ограничивается указанными типами. Примѣры подражаній и совершенно переработанныхъ формъ Андреевской церкви — многочисленны на Подолѣ и очень любопытны деталями. По мнѣнію покойнаго профессора Н. В. Султанова, многія Кіевскія церкви въ XVII в. подвергались облицовкѣ въ ‚Польскомъ, іезуитскомъ‘ стилѣ. Съ другой стороны, сюда же должны быть отнесены: великолѣпныя колокольни Троицкаго монастыря въ Черниговѣ, Кіево-Печерской лавры, Козелецкаго собора, нѣкоторыя гражданскія постройки, какъ напримѣръ, длинный домъ близъ Николаевскаго военнаго собора въ Кіевѣ. Здѣсь видны слѣды вліянія италіанскаго ренессанса, выражающагося въ многоугольныхъ розеткахъ и нѣкоторыхъ орнаментахъ.

К. А. Сомовъ, 'Фейерверкъ' (акварель).

C. Somoff, 'Un feu d'artifice' (aquarelle).

Выставка 'Миръ Искусства'.

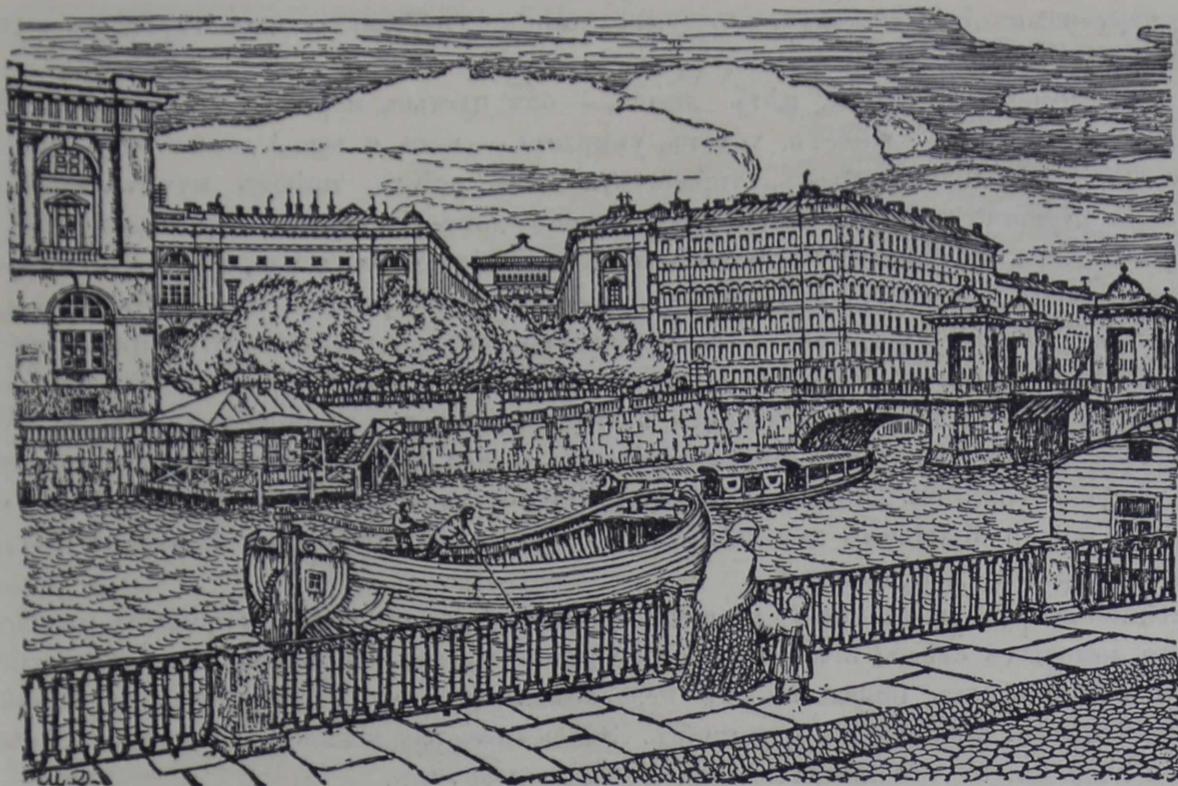
К. А. Сомовъ, „Арлекинъ и дама“ (акварель).

C. Somoff, „L'arlequin et une dame“ (aquarelle).

Выставка „Миръ Искусства“.

ПОРТРЕТЪ М. В. ДОБОВИНСКАГО, работы К. СОМОВА (акварель).
Portrait de M. Dobouinsky, par K. Somoff (aquarelle).

Рисунокъ М. Добужинскаго.

МСТИСЛАВЪ ВАЛЕРІАНОВИЧЪ ДОБУЖИНСКІЙ

Бар. Н. Н. Врангель

НОГЕ считаютъ Добужинскаго только хорошимъ рисовальщикомъ, умнымъ и умѣлымъ иллюстраторомъ, художникомъ, ощущающимъ и знающимъ mille huit cent trente. Рѣдко кто видитъ въ немъ нѣчто болѣе значительное, ту скрытую жуть, которая такъ плѣняетъ въ его творествѣ. Только тотъ, кто чувствуетъ жизнь города, жизнь мертвыхъ вещей, тотъ пойметъ и оцѣнитъ психологію смерти, что передаетъ Добужинскій на своихъ картинахъ.

Добужинскій — поэтъ огромныхъ домовъ съ сотнями квартиръ, пустынныхъ дворовъ, домовыхъ крышъ, сѣраго безразличія провинціальной скуки, поэтъ взрослыхъ, скучныхъ людей съ ихъ убогой фантазіей и поэтъ дѣтскихъ сказокъ съ ихъ несбыточными выдумками, съ ихъ простыми и фантастическими замыслами. Городъ, большой, таинственный и скучный, влечетъ неотразимыми чарами, какимъ то колдовствомъ —, приворотнымъ зельемъ.

На картинах Добужинскаго, до ужаса вѣрно, передается эта городская муть унылаго и вѣчно-туманнаго Петербурга.

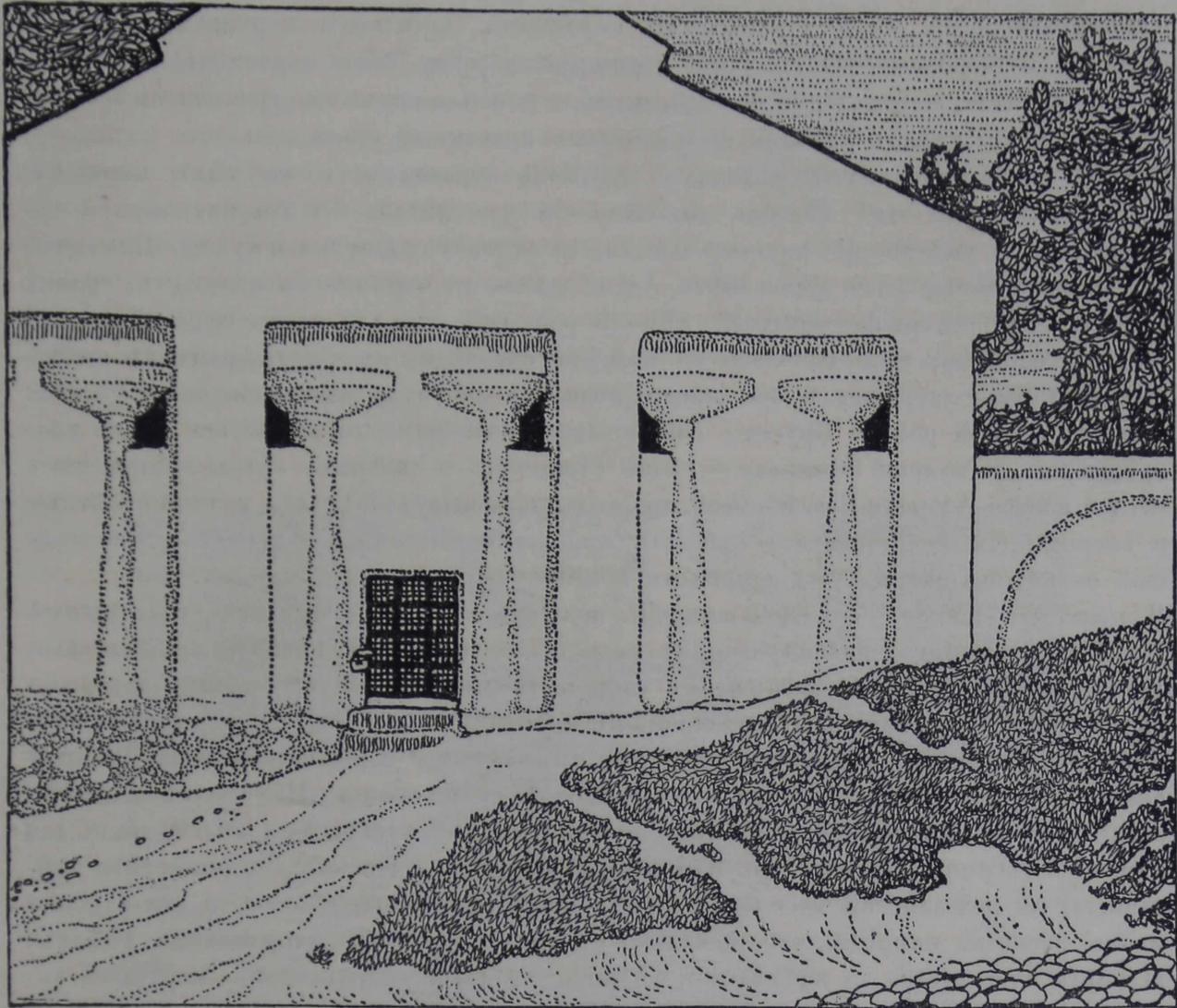
Въ его домахъ будто и нѣтъ людей, — они пустыя, мертвыя. Человѣкъ — маленькое насѣкомое: — живетъ, ходитъ, умираетъ — вотъ и все. А дома стоятъ, вновь заселяются, и долго живетъ, торжествуя надъ всѣмъ, пріютъ мучительный и тѣсный. Страшно глядѣть ночью на большіе дома-ящики, что горятъ глазами — окнами... Тамъ, за стѣнами — Богъ вѣсть, сколько больныхъ и здоровыхъ, веселыхъ и несчастныхъ, но всегда ничтожныхъ, маленькихъ звѣрьковъ. Что значитъ человекъ въ сравненіи съ громадой многоэтажнаго дома? Добужинскій понялъ, какъ никто, тихій ужасъ молчаливаго большого города. Не шумъ и трескъ фабричнаго центра, не лязгъ заводовъ и машинъ, а грозное безмолвіе застывшихъ громадъ, гдѣ живутъ сѣрые, хмурые люди привлекаетъ художника. Вотъ почему наиболѣе удачны его рисунки городовъ сонной провинціи, Петербурга и тихой Голландіи. Я всегда думаю о князѣ Мышкинѣ изъ ‚Идіота‘, о ‚Крестовыхъ сестрахъ‘ Ремизова, когда смотрю картины Добужинскаго...

Большіе дворы, заваленные дровами, замыкаются сѣрыми, мутными плоскостями домовыхъ стѣнъ. Вспоминаются бездвѣтные дни, когда бродишь безъ толку и смысла, и вдругъ попадаешь въ незнакомый кварталъ, куда-нибудь въ Измайловскій полкъ, поближе къ окраинамъ. Здѣсь — особая жизнь въ домахъ съ унылыми дворами, съ вѣчной сутолокой мелкихъ квартиръ.

Страшенъ большой городъ — гигантскій, сѣрый паукъ, который тихо сосетъ жизни тысячъ маленькихъ людей, медленно и безпощадно. Это чувство жути ощущается въ незнакомыхъ городахъ, а еще чаще въ незнакомой части знакомаго города. Здѣсь сознаешь ужасъ того, что рядомъ съ вами, рядомъ съ той жизнью, которой живешь и которую не ощущаешь — есть своя, особая, самостоятельная и страшная до слезъ жизнь: сонное бытіе маленькихъ людей, безпросвѣтныя муки, тупая тоска и тупое отчаяніе такихъ же, какъ и всѣ, обреченныхъ на ничтожество маленькихъ людей. Миѣ всегда кажется, что эти люди вѣчно страдаютъ бессонницей, что у нихъ даже нѣтъ счастья сна, а вся жизнь — упорная, унылая до ужаса, скучная ежедневная работа съ сѣрыми буднями и сѣрымъ отдохновеніемъ.

Я думаю, что Добужинскій могъ бы, какъ никто, иллюстрировать Достоевскаго, иллюстрировать тотъ страшный своимъ безразличіемъ бытіе, изъ котораго вышли трагическія фигуры ‚Карамазовыхъ‘, ‚Идіота‘, ‚Преступленія и Наказанія‘. А развѣ не фонъ для нихъ тѣ дворы, крыши, дымовыя трубы, слякоть и тоска, что завершено написано Добужинскимъ?

Въ другихъ картинахъ художника отражается безпечная сторона дѣтства. Послѣ тоски въ сумракѣ мрачныхъ клѣтокъ всегда хочется думать о томъ далекомъ счастьѣ, когда не чувствовалъ и не сознавалъ всего ужаса окружающаго. Въ дѣт-

М. ДОБУЖИНСКІЙ 1903

Рисунокъ М. Добужинскаго.

ствѣ Добужинскій долго жилъ въ провинціи: въ Новгородѣ, Вильнѣ, Кишиневѣ.* И контрастъ между странными громадами Петербурга и тихими уголками провинціального болота былъ ярко почувствованъ имъ. Если, смотря на дворы большого города Добужинскаго, каждый разъ вспоминаешь Достоевскаго, то отъ провинціальныхъ заборовъ его вѣтъ гоголевскимъ бытомъ. То это гостинный дворъ, гдѣ купцы зазываютъ покупателя, а на улицѣ у верстоваго столба чешется грязная свинья. То — казармы армейскаго полка ,въ видѣ греческаго храма'—рас-

* Родился Добужинскій въ 1873 г., образование получилъ въ Университетѣ, живописи обучался въ Мюнхенѣ.

пластанный орелъ надъ дорическими колоннами ,античнаго портика', сооруженнаго для муштровки солдатъ. Вотъ маршируютъ они, какъ деревянные, нога въ ногу и чудится, что казарма и люди, и небо, и все — какая-то странная смѣсь выдумки и правды, какъ кажется выдуманнымъ правдивый сонъ.

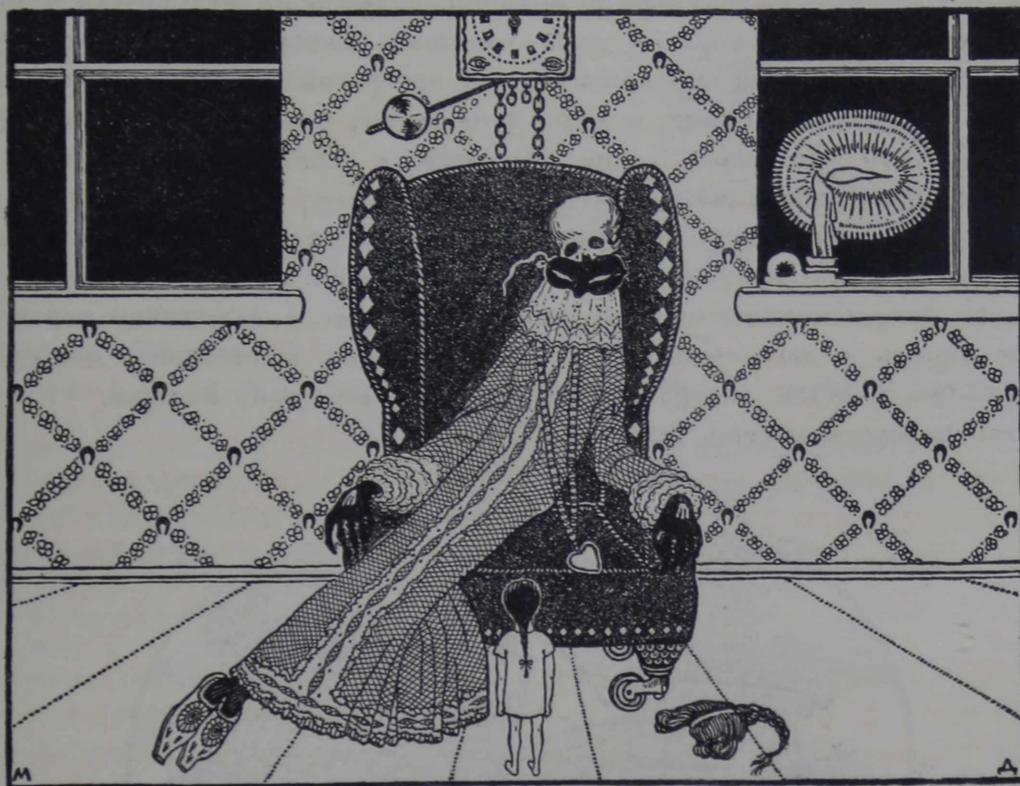
Острая впечатлительность дѣтскихъ мечтаній отразилась и на тѣхъ игрушечныхъ рисункахъ, что дѣлаетъ Добужинскій для дѣтей. То это мальчикъ и дѣвочка, вкусно улетающіе какія-то сласти, то дѣтскіе солдатики и куклы. Или вотъ рай: намалеванные какъ деревянные, Адамъ и Ева, съ огромнымъ яблокомъ, сидятъ въ саду. Рай пестрый и веселый, дѣтскій рай, гдѣ много плодовъ и цвѣтовъ, гдѣ летаютъ бабочки, ползетъ какая-то козявка, скользитъ ящерица, прыгаетъ по дорожкѣ зеленая лягушка, а на ,древо познанія добра и зла' взбирается толстая змѣя съ хитрой рожей. Кругомъ рай обнесенъ заборомъ съ надписью ,входъ воспрещается', и мудрый Боженка — сѣдой старичокъ — смотритъ изъ-за забора, какъ наслаждаются Адамъ и Ева. Въ этой простодушной выдумкѣ бездна мудрой простоты и хитрости, что составляетъ прелесть маленькаго челоуѣка — ребенка. Добужинскій остро ощущаетъ дѣтскія прихоти и дѣтскую радость.

Я полагаю, вообще, что Добужинскій долженъ бы сдѣлаться рисовальщикомъ для дѣтскихъ книгъ, иллюстраторомъ разсказовъ, повѣстей Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, Ремизова. Не даромъ онъ такъ мѣтко ,иллюстрируетъ' своими театральными декораціями замыслы писателей. ,Петрушка', сочиненный Потемкинымъ для Лукоморья, ,Бѣсовское дѣйство надъ нѣкимъ мужемъ' Алексѣя Ремизова, ,Robin et Marion' для Стариннаго театра и восхитительныя декораціи ,Мѣсяца въ деревнѣ', развѣ театральныя постановки ихъ Добужинскимъ не прекрасныя иллюстраціи для книгъ? Особенно хороши рисунки къ ,Мѣсяцу въ деревнѣ', хороши эти ,диванныя' съ развалистой мебелью и эти сонетки, и ширмы, и часы, и эта русская милая, ласковая природа, что печально смотритъ въ окна ,дворянскихъ гнѣздъ'. И опять чувствуется та же тоска и уныніе, что такъ волнуетъ въ мертвыхъ городахъ съ угрюмыми домами, что заставляетъ биться сердце, вспоминая о дѣтскихъ снахъ.

Но не только Россія привлекаетъ мечту Добужинскаго. Онъ рисуетъ и суетливый Парижъ, и Лондонъ, и тихую Голландію съ ея сонной нѣгой и шумнымъ веселіемъ. Голландскіе рисунки Добужинскаго, наряду съ его видами Петербурга и русской провинціи, лучшее, что онъ сдѣлалъ. Чудится, будто бродишь по этимъ городамъ, смотришься въ воды каналовъ, мечтаешь въ лѣтнія сумерки. Вотъ они: Амстердамъ, Гаага, Гарлемъ, милые тѣмъ, кто любитъ Петербургъ — ,русскую Голландію'.

Въ большомъ голландскомъ городѣ живешь будто въ ящикѣ — игрушкѣ. Дома такіе, что рукой достаешь до втораго этажа. На маленькихъ квадратныхъ прудахъ, въ самомъ центрѣ города, плаваютъ утки, гуси и лебеди, а рыбаки ловятъ рыбу. Чайки

стаями летаютъ надъ водой и бороздятъ крыльями сонную ея поверхность. Тутъ каналы, какъ улицы, и улицы, какъ каналы. Все сѣрое, тихое, спокойное, со вкуснымъ оживленіемъ — сочными пятнами зелени. Церквей много: высокихъ со шпилями, уходящихъ въ туманное, сѣрое небо. Ночью слышно, что дѣлается, какъ стучать шаги и какъ лаютъ собаки. Бредятъ церкви, болтаютъ по разному, перекликаются. Въ воздухѣ пелена густого сѣраго тумана, словно идешь подъ водой и все — вода: внизу, въ воздухѣ, въ небѣ. Бѣлыя чайки надъ каналами плывутъ, какъ рыбы. И кажется, что бродишь въ странномъ царствѣ воды и свѣта, что солнце поблекшее закуталось пеленой. А когда проглянетъ оно въ тучевомъ небѣ, — тянутся длинныя, свѣтлыя руки и хватаются за облака, и цѣпляются,

Рисунокъ М. Добужинскаго.

и падаютъ бѣлыя полосы на красныя, блестящія черепицы крышъ, и плывутъ въ церкви, въ окошки подъ темными сводами, и бѣгутъ въ дома: въ столовыя, гдѣ хозяйки убираютъ посуду, гдѣ стаканы и хрусталь, и серебро, и все вкусное, и люди ждуть солнца и ему радуются...

Кто видѣлъ Голландію и старую Бельгію, тотъ никогда ихъ не забудетъ; не забудетъ веселыхъ ярмарокъ, гдѣ шумно и пестро, крикливо и безобразно, и красиво, и весело; гдѣ взлетаютъ маленькіе кораблики со здоровыми, краснощеками парнями и дѣвками, ядреными, плотными, возбужденными силой и смѣлостью крѣпкихъ тѣлъ. Они хотятъ ѣсть, пить, объѣдаться, опиваться, смѣяться, шумѣть, громко цѣловаться, за все хвататься руками. Совѣмъ, какъ у Иорданса! На балаганахъ карлики — ростомъ со взрослого человѣка, великаны — ниже средняго; на каруселяхъ — кони расписные: бѣлые, съ крутыми шеями, качающіеся, какъ волны, плавно; лодки-санки съ птичьими и звѣриными головами, мордами, рожами, размалеванныя какъ игрушки, какъ пряники...

Добужинскій, жившій въ Голландіи лѣтомъ 1910 года привезъ рядъ интересныхъ этюдовъ и зачерченныхъ впечатлѣній. Среди нихъ особенно удаченъ 'Спиритъ' — шарлатанъ на голландской ярмаркѣ, сидящій съ бульдогомъ у входа въ свой балаганъ. Столь же хороши виды городовъ, днемъ и ночью, въ туманѣ и залитые солнцемъ. И когда смотришь на эти прекрасные рисунки, то словно бродишь тамъ, гдѣ каналы и вода, и дома, и балаганы, и ярмарки. Но въ этихъ рисункахъ — будь то пустынная улица или веселая кермесъ — та же жуть чистой русской, или, правильнѣе, 'петербургской' тоски о чемъ то, та же хмурая грусть, что манила и печалила насъ въ мрачныхъ дворахъ отдаленныхъ кварталовъ столицы и въ пустынныхъ улицахъ русской провинціи. За эту своеобразную психологию, за это пониманіе быта и умѣнье правдиво и изысканно передать его, нельзя не цѣнить и не любить Добужинскаго. Тихое и степенное повѣствованіе его рисунковъ кажется разговоромъ той хорошей любимой книжки, что читалъ въ дѣтствѣ и перечитываешь теперь.

СПИСОКЪ РАБОТЪ М. В. ДОБУЖИНСКАГО.

Названія картинъ.	Собственники.
1901. Крыши (офортъ).	
1902. Петербургъ. Бѣлая ночь (акварель).	
Парники (акварель).	В. Д. Миліоти. Москва.
Дворикъ въ Вильно (акварель).	
Петербургъ. Александринскій театръ (графика).	
Фонтанка у Лѣтняго Сада (графика).	
Чернышевъ мостъ (рисунокъ).	
Банковскій мостъ (акварель).	
Виньетки для журпала 'Міръ Искусства'.	
1903. Дворъ (пастель).	
Городъ (пастель).	В. О. Гиршманъ. Москва.
Дачи (акварель).	И. Э. Грабаръ. Москва.
Литва (акварель).	К. А. Сомовъ. С.-Петербургъ.
Сосны (акварель).	
Казарма (акварель).	В. П. Добужинскій. Вильно.
Вечеръ (акварель).	И. В. Добужинскій. Вильно.
Дворъ Костела (акварель).	И. И. Матвѣевъ. Москва.
Мавзолей (графика).	Виленскій Худож. кружокъ имени Антокольскаго.
Царское Село зимой (акварель).	
1904. Уголокъ Петербурга (пастель).	Н. Н. Перцовъ. С.-Петербургъ.
Вильно, Юрьевскій пер. (акварель).	
Вырубленный садъ (акварель).	В. О. Гиршманъ. Москва.
Портретный этюдъ (акварель).	Е. Г. Рябушинская. Москва.
Кладбище (акварель).	
Деревня (акварель).	Е. Т. Добужинская.
Новгородъ. Старыеряды (акварель).	
Новгородъ. Вѣчевая башня (акварель).	Г. Шехтель. Москва.
Амбары (пастель).	А. Я. Левантъ. С.-Петербургъ.
Садикъ у стѣны (акварель).	
Садикъ въ городѣ (акварель).	
Фонтанка зимой (акварель).	Е. Г. Рябушинская. Москва.
'Въ тридцатыхъ годахъ' (акварель).	И. М. Степановъ. С.-Петербургъ.
Петербургъ. Троицкій мостъ (графика).	П. П. Барышниковъ. С.-Петербургъ.
Мойка у Н. Адмиралтейства (акварель).	
Царское Село. Китайскій театръ (акварель).	
Царское Село. Ворота Камероновой галереи (акварель).	

- Царское Село. Своды висячаго сада (графика).
1905. Окошко парикмахера (акварель). В. О. Гиршманъ. Москва.
 Старый домикъ (акварель). В. О. Гиршманъ. Москва.
 Кукла (акварель). В. О. Гиршманъ. Москва.
 Домикъ въ Петербургѣ (пастель). Моск. Лит.-Худ. кружокъ.
 Петербургъ. Въ ротахъ Измайловскаго полка (акварель). П. П. Барышниковъ. С.-Петербургъ.
 Спб. Троицкій соборъ (акварель). И. И. Матвѣевъ. Москва.
 Гостиный дворъ (акварель). М-г. Сtape. Чикаго.
 Казанскій соборъ, Невскій проспектъ (акварель). А. А. Коровинъ. С.-Петербургъ.
 Веранда (акварель).
 Гатчино. „Собственный садикъ“ (акварель).
 Гатчино. „Пріоратъ“ (акварель).
 „Человѣкъ въ очкахъ“ (акварель). Третьяковская галерея.
 Петербургъ. Фонтанка (графика). }
 Зимній Дворецъ и Александровская Колонна (графика). } Экспед. Загот. Гос. Бумагъ.
 Рисунки для „Жупела“.
 „Старый и Новый Годъ“ (рисунокъ). Е. Г. Рябушинская. Москва.
 1906. Рисунки въ „Адской почтѣ“.
 Шесть Иллюстрацій къ „Станціонному Смотрителю“ Пушкина (сеія). В. О. Гиршманъ. Москва.
 Вильно. Замковый пер. (акварель). Г-жа Фридляндская. С.-Петербургъ.
 » Стеклянная улица (акварель).
 » Мясная улица (акварель). Алекс. Н. Бенуа. С.-Петербургъ.
 » Доминиканскій Костелъ (акварель). И. А. Жевержеевъ. С.-Петербургъ.
 » Старыя ворота (акварель). К. А. Сюннербергъ. С.-Петербургъ.
 » Старые дома (акварель). Касьяновъ. Москва.
 Трущоба. (Вильно) (акварель). Касьяновъ. Москва.
 Улица въ Вильно (акварель). С. А. Бахрушинъ. Москва.
 Старое Вильно, Пятницкій переулокъ (акварель).
 Вильно. Каплица Костела Св. Яна (гвашь).
 Алтарь (акварель).
 Лондонъ. Tower Bridge (гвашь). П. М. Устимовичъ. С.-Петербургъ.
 „Старыя верфи“ — „Monument Square“ (акварель). Г. Лапговой. Москва.
 Парижъ: Сена.
 » Постройки (акварель). Г. Лопатинъ. Москва.
 » Place de Vosges (акварель).
 „Старые дома“ (рисунокъ).